
РАЗНОЕ: РЕЦЕНЗИИ И СОБЫТИЯ

Н. Н. РОСТОВА

ЭКОЛОГИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЭСТЕТИКИ И АНТИАНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Мортон Т. *Стать экологичным*. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 240 с.

Пока мир напуган глобальным потеплением, а дети из большой политики прогуливают школу по пятницам, в окологлобальной среде созрело новое понятие экологии. Если старое понятие связано с борьбой за жизнь планеты, то новое – с двусмысленностью. В основе первого – насилие. В основе второго – игра.

Новая экология – это темная экология. Почему она темная? Потому что зиждется на идее странности вещей, их неочевидной глубины. Вы уже экологичны, заявляет теоретик темной экологии Т. Мортон, желая нас поразить откровением. А если точнее, мы уже экологичны, если примем как факт неоднозначность внечеловеческого мира: «...способность ценить двусмысленность, – говорит Мортон, – составляет основу экологичности» (с. 192). Внечеловеческий мир – это не просто природа с ее катаклизмами, это любые окружающие нас существа и вещи, например, выключатель. «Выключатель, – рассуждает автор, стараясь быть верным учеником Г. Хармана, – и сам может стать разумным, обрести дар речи и отправиться на ток-шоу» (с. 53). Конечно, Мортон напомнит о том, что человек ответственен за наступающее «массовое вымирание», не без назидания в очередной раз расскажет об «антропоцене» – особом губительном геологическом периоде, отмеченном тем, что «созданные человеком материалы образовали в земной коре отдельный слой» (с. 50). Однако его цель – не борьба за выживание и политические баталии, а смена режима нашего восприятия. Новая экология предполагает метанойю, перемену ума. Мы должны признать, что «вещи таинственны в радикальном, совершенно неизбывном смысле» (с. 54). Но какими средствами обеспечить эту та-

инственность? Ведь мы знаем, что выключатель – это выключатель и ничего более. Т. Мортон движется в русле эстетического поворота, предложенного Харманом, согласно которому истина философии заключена не в онтологии, не в феноменологии и не в антропологии, а в эстетике. Экологическое сознание отныне отождествляется с эстетикой. И наоборот, эстетика – с экологичностью.

Экология как эстетика позволяет вещам взять на себя задачу говорить нам нечто непредсказуемое. У вас, утверждает Т. Мортон, нет ни малейшего представления о том, что произведение искусства скажет вам через мгновение. Но дело не в особой реальности, к которой причастно искусство, ибо никакой особой сферы искусства нет, а в его подходе к миру. В том, что есть, оно позволяет видеть более того, что есть. По мнению Мортон, искусство практикует подлинно экологическое сознание. Вот, например, красота. Она поражает. Изумляет. Оставляет ощущение ускользания и непостижимости. Или, говорит Мортон, ссылаясь на Дж. Китса, ощущение того, что не ощущаешь. Мы, заявляет автор, глубоко травмированы, ибо порвали связь с нечеловеческим миром, объективировали его в понятии «природы», и он перестал быть для нас таинственным и мистическим, а потому экология сегодня должна превратиться в психотерапию. Экотерапия, совершая эстетический поворот в нашем сознании, призвана разрушить ментальные барьеры между живым и неживым, человеческим и нечеловеческим и прочими конструкциями расизма, сексизма, спесишизма и гомофобии, чтобы открыть принципиальную странность мира. Как говорит Мортон, «за навязыванием тонкого, но жесткого различия между людьми и нелюдьми стоит, например, тот же импульс, что движет расизмом. Насилие уже совершилось – в форме поношения и дегуманизации некоторых людей. Мы, люди, содержим в себе нечеловеческих симбионтов, которые составляют часть того модуля, который позволяет нам быть людьми, ведь без них мы бы не прожили. Мы не являемся людьми всецело, вдоль и поперек. Мы сосуществуем со всеми формами жизни в неопределенном пространстве между жесткими категориями» (с. 63). Венцом экотерапии оказывается принятие идеологии гостеприимства по отношению к «чужакам», то есть ко всему иному, внечеловеческому, включая техническое. «Значимо все» – вот основная формула этой

идеологии (с. 96). Т. Мортону нравится, что в конституцию Эквадора в 2007 г. включили «права природы». Ему, по-видимому, не менее понравилось бы и то, что Новая Зеландия летом 2019 г. на законодательном уровне признала, что животные являются разумными существами и обладают, подобно людям, чувствами.

Если экология «переодевается» в эстетику, заявляя о неуловимости вещей и непредсказуемости всяческих последствий, то вывод очевиден. На смену режиму контроля и авторитета, в том числе стандартам старой экологии, пестующей покровительственное отношение к природе, приходит известная модель «неустойчивого мира, мира любви... соблазна и отвращения» (с. 59). «Грядущее экологическое общество, – заключает автор, – должно быть немного бардачным, разбитым, расслабленным, чудаковатым, ироничным, глупым и грустным» (с. 58). А значит, забота о таком мире может быть только «игривой». Игривость ни к чему не обязывает, в ней невозможны агрессия и насилие, ибо, как известно, и добром можно изнасиловать. Игривость указывает на зону, в которой вещи становятся онтологически равны, а у человека исчезает привилегированный «просвечивающий» взгляд на них. Вещи не прозрачны. И этого достаточно для новой экологии. Вещи не обязательно любить и тем более их вовсе не нужно «спасать». Немного больше безразличия к вещам, и вы на верном пути, говорит Т. Мортон. «Безразличие, – пишет он, – само указывает на способ заботиться о людях и нелюдях, причиняя меньше насилия – просто позволив им существовать, как бумажкам у вас в руке» (с. 202). Человеку следует перестать брать на себя слишком многое, ибо именно эта авторитарная позиция губительна. Нужно просто позволить быть в равной степени *всему*, ослабив метафизические и вместе с тем политико-этико-юридические пружины. Иными словами, путем нового заколдовывания мира темная экология стирает все возможные границы, оставляя за человеком право меньшинства наряду с прочими меньшинствами, что созвучно логике новой антропологии.

Правда, творческое развитие объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана у Т. Мортоната наталкивается на ряд противоречий: с одной стороны, он как ее сторонник говорит о мистичности и странности окружающих вещей, с другой – тут же апеллирует к понятию биосферы, которое, по его мнению, охватывает человеческий и внечеловеческий миры таким образом, что их не имеет

смысла различать. Как говорит автор, «люди включены в биосферу на правах одного из множества существ» (с. 69). Однако он игнорирует то, что биосфера включена в ноосферу. Ноосфера и является той сферой, где существует человек. Искусство для Мортонa вдруг становится пространством активности нечеловеческих вещей, которые воздействуют на человека. Он даже говорит об эстетическом опыте как опыте «слияния разумов» и солидарности. «Я ощущаю, – признается Мортон, – неизвестное воздействие на меня, которое исходит из того, чем я захвачен, а потому не могу сказать, кто “это начал”... в моем внутреннем пространстве возникает чувство, которое я сам сфабриковать не мог, а значит, оно было послано мне “объектом” на стене в галерее» (с. 191–192). При этом автор не разъясняет, воздействуют ли эти «вещи» на другие вещи. А также чем воздействие «вещей» искусства отличается от воздействия других вещей на человека. Если бы он начал это разъяснять, ему бы открылось, что искусство – это не послания нечеловеческого мира человеку, а послания человека самому себе. Художник – это тот, кто расширяет видимое за счет невидимого. У вещей самих по себе, например, у холста и красок, этого расширения нет. Художник – не оригинал, но тот, кому удалось выйти за пределы себя и высказать то, что касается каждого. А потому нас трогает искусство, а не вещи. Оно нас трогает, ибо рассказывает о том, к чему мы причастны, но о чем не знаем. Разум искусства – это «разум» самого человека. И никакой солидарности здесь не выходит. Красота – это бесконечность, упакованная в конечное. Созерцая красоту, человек предоставляет себя тому, что превышает его. Он видит то, что в повседневности от него закрыто. Бесконечность – это истина человека, скрытая от него самого. А потому в нечеловеческом мире нет опыта красоты. И нет искусства. Т. Мортон желает ввести мистическое, не заплатив за него онтологическим расширением и обеспечивая свою идеологию скромными биологическими аргументами вроде тех, что мы все состоим из бактерий.

Однако мир слишком суетлив и не замечает, что почва уже подготовлена для смены знамен и икон. Не новая Жанна Д'Арк, а проповедник темной экологии готов послужить прообразом нового лика.